

ТОННЕЛЬ ПОД АЛЬПАМИ: БЕСЕДЫ С НАСТАВНИЦАМИ

И.В. Ковалева

Московское региональное отделение Союза переводчиков России
Москва, Россия

В 2020 году секция художественного перевода Союза переводчиков России (СПР) понесла невосполнимые утраты – сначала на 95-м году ушла из жизни блистательная переводчица Пушкина и Грибоедова Мэри Хобсон, а вслед за ней на 92-м году не стало профессора Лингвистического университета имени Мориса Тореза, действительного члена британского королевского общества Фрэнсиса Бэкона Марины Дмитриевны Литвиновой, стоявшей у истоков основания как самого СПР, так и нашей секции художественного перевода. Мне выпало счастье на протяжении многих лет дружить с ними обеими и, конечно же, учиться у них. А еще организовывать выступления, популяризировать в стихах и прозе результаты исследований Марины Дмитриевны о проблеме авторства произведений Шекспира, переводить поэзию Мэри на русский и удостоиться чести быть переведенной ею на английский язык. А какие они были собеседницы – заслушаешься! Я много раз брала интервью у каждой по отдельности и у обеих сразу. Обсуждали самые разные, порой неожиданные темы. Например, о том, что Великобритания – остров, и это обстоятельство влияет на психологию населения и английскую литературу точно так же, как и российские просторы на широту русской души и соответственно на произведения Пушкина и Грибоедова. Никак не могли наговориться, беседы затягивались за полночь...

Мэри Хобсон (М.Х.): – Никогда не задумывалась об особенностях островного сознания, но вот мы коснулись этой темы, и я поняла, что они существуют. Чувство изоляции как основа мировоззрения. Когда строили тоннель под Ла-Маншем, я переживала: «Мы же не остров теперь! Для нас это огромная потеря!» Мне не нравится ездить в Европу в автомобиле или поезде. Люблю плавать – я же островитянка!

Ирина Коновалова (И.К.): – Острова обычно благоустраивают, содержат в порядке – с них ведь не сбежишь!

Марина Литвинова (М.Л.): – Мы такие разгильдяи, потому что страна огромная. Англичане понимают, что нельзя превращать остров в свалку! Отсюда и знаменитые газоны, и отсутствие мусора на улицах. Мэри показывала мне завод, перерабатывающий его в электроэнергию.

И.К.: – Островитяне вынуждены объединяться, чтобы выжить, поэтому у британцев и тех же японцев остро развито чувство локтя, а к чужакам они относятся настороженно, стать своим иностранцу здесь непросто.

М.Х.: – Как и японцы, мы герметичные люди. Не любим учить языки – считаем, что это иностранцы должны говорить по-английски. Приедем среди нас трудно, особенно мужчинам. Женщины адаптируются быстрее, потому что выходят замуж, попадают в семью. Возможно, мы просто не слишком гостеприимны...

М.Л.: – Это правда! Найти кров в Америке мне было намного проще, чем в Англии. Знакомая позвонила приятельнице в Вашингтон и сказала: у тебя есть свободная комната – можно Марина там поживет? Та ответила: буду рада! А когда Мэри не оказалось в Лондоне, у меня возникли большие проблемы с поиском жилья, и за него просили 70 фунтов. И как это было! В Америке меня всегда встречали в аэропорту с табличкой *Marina Litvinova*. Прилетаю в Лондон – никого нет! У меня 100 долларов и больше ни цента (шекспироведение в России не финансируется, а первоисточники – в Британской библиотеке.) Куда ехать – не знаю. Меньше деньги. И вот тут начинается совсем другая история про англичан. Хорошая. Звоню Мэри: меня не встретили, что делать? Она говорит: бери такси и поезжай по такому-то адресу. Предупреждаю водителя: у меня есть вот такая сумма – везите, на сколько денег хватит, а дальше я как-нибудь пешком доберусь. Он спрашивает: «Вы из России? Зачем приехали?» «Изучать Шекспира!» «Это же мой любимый писатель!» Рассказываю, что под его маской скрывался творческий тандем – Френсис Бэкон и его ученик Роджер Мэннерс – пятый граф Ратленд. Он ахает. А я смотрю на счетчик – деньги заканчиваются! Таксист: «Не волнуйтесь, я вас и так доведу!» Ехала я в Лондон, а попала в Россию. Встретила меня русская женщина – Татиша, окружила заботой. А было ей 80 лет. Мэри училась у нее языку.

И.К.: – Откуда такое имя?

М.Л.: – От Татьяны. В 1920-х, когда ей было около четырех, семья эмигрировала из Петербурга в Париж. Французские знакомые сократили имя до Тати, а родные стали звать Татишей. Мы с ней чудно прожили вдвоем, я как на службу ходила в Британскую библиотеку, а потом собралась домой. Сложила в ручную кладь ксерокопии рукописей и первых изданий Шекспира. Получилось 15 кг! Сотрудник аэропорта предложил сдать пакет в багаж. Я отказалась: если ксерокопии пропадут, значит, я зря приехала. Лучше самой погибнуть, чем потерять материалы о Шекспире! Он приподнял пакет, оценил вес и махнул рукой: проходите! И так посмотрел на меня, как они обычно смотрят на

своих чудаковатых англичан. Для нее, видите ли, Шекспир дороже жизни!

И.К.: – «Включили» мисс Марпл?

М.Х.: – Я тоже пользуюсь ее приемами, когда провожу через таможенную службу чемоданы с книгами. Дома меня зовут ее именем! Прикидываюсь рассеянной и немощной, чтобы не придрались к лишнему грузу. С 80 лет у нас уже не выдают страховку туристам. Считается, что старикам нужно сидеть дома. А я дважды в год на протяжении многих лет курсирую из Лондона в Москву, попутно срываюсь в Иркутск – друзей навестить.

И.К.: – Это очень по-японски. Там люди старшего возраста много путешествуют. Кстати, мисс Марпл – их любимый персонаж. Были в Японии?

М.Х.: – Нет, но в Лондоне теперь много примет японской жизни. Суши-бары и якитории на каждом углу. Я, правда, не пробовала эту пищу. Англичане очень консервативны – во всяком случае, старшее поколение. А молодежь японскую еду воспринимает как родную. Зато я люблю зеленый чай. Он очень бодрит, проясняет голову, укрепляет память.

М.Л.: – Мой племянник выиграл грант на учебу в Токио, заняв 2-е место в студенческом конкурсе. Вернувшись, заявил, что возьмет замуж только японку: это лучшие жены в мире! Распределился в МИД, а потом уволился и уехал в страну своей мечты, женился там и очень счастлив. Недавно читала у Мураками притчу об островном сознании. Мы ведь, русские, все очень открытые, социальные, контактные, не скрываем свои чувства и проблемы, запросто ходим в гости. А герой Мураками страдает от одиночества. В Японии человек изолирован ото всех – он сам по себе со своими переживаниями. Не делится ими с окружающими, чтобы не потерять лицо. Вроде и друг у него есть, но все равно он находится в какой-то капсуле. Как будто человек – сам по себе остров! Все это очень хорошо описано, и перевод замечательный! Тут вот еще что нужно отметить: сам японский язык и его синтаксис не влияют на русский так, как английский, поэтому переводчик не пытается перенести на нашу почву иностранные конструкции, а просто излагает текст по-русски. Книга Мураками понравилась и историческими реалиями, которых мне не хватает в нашей современной литературе.

И.К.: – На островах резко меняется погода, чаще случаются стихийные бедствия. Японцев учат, как вести себя в таких случаях. У них все четко. Пока не объявили лето, ходят в теплой одежде и в море не купаются...

М.Л.: – Когда я в первый раз приехала в Англию (дело было в марте), стояла замечательная погода. Я думала, что здесь так всегда. А во второй приезд заработала артрит. Вокруг океан, и за день все может несколько раз измениться. Только что солнце светило, и вдруг

набежали облака, полил дождь. Прошло четверть часа – ветер унес тучи, опять небо чистое.

Проходить инструктаж на случай наводнений не довелось, но на пожарные учения в Британской библиотеке попала. За одеждой в гардероб идти нельзя – экстренная эвакуация! Мне дали плащ – совсем тоненький, серебристый такой и вывели на улицу. А там дождь, холод... Вместе с другими читателями простояла 1,5 часа на ветру, промерзла до костей. Уйти невозможно – без верхней одежды, без денег, без личных вещей.

Сумки сдают при входе, а взамен вручают прозрачный пакет для блокнота, карандашей и ластика. В зал редких книг даже ручку брать нельзя! Поначалу я не умела пользоваться компьютером, копировала все от руки и заработала писчий спазм. А тут книгу надо выписывать, самой искать ее через библиотечную сеть! Служащий, который мне помогал, порекомендовал посещать специальные курсы цифровой грамотности. Нам, неучам, каждое утро по часу бесплатно прививали навыки пользования компьютером.

Если бы меня спросили, где я хочу жить, сказала бы: в Лондоне, возле библиотеки. Там кругом места, связанные с Френсисом Бэконом. Мэри вручила мне связку ключей от своей квартиры. Говорит: вдруг ты приедешь, а меня не будет дома...

У англичан, кстати, с суставами все в порядке. А что я заболела... Видимо, это такой местный способ борьбы с иностранцами!

М.Х.: – В Англии другая беда – лишний вес. Даже у детей! Они едят чипсы, пицца в школах плохая.

И.К.: – Но вы такая хрупкая! Как сохраняете форму?

М.Х.: – Режим и диета. В 5 часов уже сна ни в одном глазу, а просто так лежать скучно. Жду еще час и говорю себе: пора. Пью в постели черный чай с ломтиками зеленого яблока (режу горкой и кладу на поднос рядом с чайником, чтобы брать не глядя) и читаю Еврипида.

А в 8 часов завтрак, тоже в постели. Заливаю отруби обезжиренным молоком, к нему – черный хлеб, сливочное масло, апельсиновый джем или мед, черный кофе и сок из клюквы и апельсинов. Ем много овощей и фруктов, но мало мяса и рыбы.

В 14 часов – обед. Съедаю овощной суп и миску салата без хлеба – помидоры, огурцы, болгарский перец с оливковым маслом и лимонным соком.

На полдник – чай с пряником. Ужин совсем легкий, но обязательно с рюмочкой красного вина – для сосудов полезно.

И.К.: – Как отдыхаете?

М.Х.: – Хожу в бассейн 2 раза в неделю, проплываю четверть мили за 20 минут, а потом дома сплю около часа. Вторую половину дня посвящаю детям и внукам, их у меня четверо.

И.К.: – Откуда черпаете силы?

М.Х.: – Меня поддерживают великие книги. Восхищаюсь Марком Аврелием, его размышлениями о том, как человек должен жить.

И.К.: – Говорите о нем как о знакомом...

М.Х.: – А он и есть мой близкий друг. Я с ним спорю на полях. В начале 1990-х, когда рубль обесценился, я со своими фунтами впервые в жизни почувствовала себя богачкой. Купила 200 книг! Для меня это самое дорогое – моя жизнь, мое лекарство. Полные собрания Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова, Щедрина, академическое издание Пушкина в 6 томах 1936-го года.

И.К.: – Как все это везли?

М.Х.: – Со мной в Лондон летела группа из 25 школьников изучать английский. Каждый взял по 3 книги, остальные отправила почтой. Очень боялась, что одна из посылок не дойдет, и собрания будут неполными. Но не пропало ни одного тома! Литература для меня – как воздух. Стараюсь начитаться, все успеть в этой жизни, поскольку не верю, что будет другая – после смерти. Обидно слышать, когда говорят, что для вас, атеистов, жизнь лишена всякого смысла. Неправда, она очень важна. Это единственный шанс, и его надо использовать до последней секунды!

И.К.: – Откуда интерес к русскому языку?

М.Х.: – После операции на стопе недели две лежала в больнице. Мне было 56 лет. Дочь Сара принесла «Войну и мир» со словами: «Когда ты еще выкроишь время для Толстого!» Дойдя до конца, я поняла, что на самом деле эту книгу еще не читала! Ведь она написана по-русски, перевод – это совсем другое. И я стала брать уроки у Татиши. 2 года осваивала Толстого по строчке со словарем. Запас лексики XIX века очень пригодился в дальнейшем. Мне очень повезло: я открыла для себя Пушкина в зрелом возрасте. Татиша дала мне прочесть отрывок из «Медного всадника»: «Люблю тебя, Петра творенье...» Я горожанка, картины природы не настолько близки моему сердцу, а эти чеканные строки просто пронзили! (Как ни расхваливали мне Тютчева, но ведь совсем не то. Природа, облака, весна, осень. А где же люди?)

В 1999 году в Великобритании вышло 15-томное издание сочинений Пушкина, я над ним работала в числе других переводчиков. Над «Графом Нулиным», в частности. А еще перевела – слог в слог, ударение в ударение! – «Сказку о попе и его работнике Балде». Это одно из любимейших произведений! Там такой юмор своеобразный, очень близкий англичанке, которая так много читала по-русски. Потом взялась за «Евгения Онегина», и он заслонил собой все. 20 октября 2015 года поставила точку в переводе последней главы. Этот день я не забуду никогда! Будто осиротела. Работа над романом много лет была смыслом моей жизни, ради нее я отложила в сторону письма Грибоедова и Марка Аврелия. Специально учила древнегреческий, чтобы переводить Еврипида,

но потом поняла, что в моем возрасте нельзя так разбрасываться, нужно сосредоточиться на главном.

Мне кажется, что именно в «Онегине» полнее всего выразилась русская душа. А как ее, душу, переведешь? Она ускользает от переводчика, и прелесть романа теряется. В этом главная проблема с «Онегиным» в Англии. Британцы читают и плечами пожимают: ну и что тут такого великого? Интересно, что это касается не только поэзии, но и прозы Пушкина. Кто-то из французских писателей, то ли Флобер, то ли Мопассан, прочитав «Капитанскую дочку», выразил недоумение по поводу ее литературных достоинств. Мои знакомые, читавшие эту книгу в чем-то переводе, тоже сочли ее скучной и примитивной. Очарование пушкинского текста переводу не поддается. Я все размышляла: в чем тут дело? Очевидно, что слова у Пушкина какие-то особенные, есть стилистические нюансы, которые трудно передать, и внутренний ритм, рождающий ощущение волшебства, который нужно почувствовать... В изысканной простоте пушкинской прозы есть нечто чарующее. Вопрос в том, как сохранить это волшебство.

И.К.: – Кого было переводить сложнее – Пушкина или Грибоедова?

М.Х.: – В «Горе от ума» я пыталась решать формальные задачи, например, сохранять мужскую и женскую рифму. Специфика английского языка такова, что сделать это невероятно трудно. А когда концентрируешься на одной цели – приходится жертвовать чем-то другим. В «Онегине» пришлось отказаться от этого подхода: важнее было передать атмосферу романа, аромат эпохи, выбрать правильный язык – не слишком современный, но в то же время понятный и близкий английскому читателю. Да и историко-культурный контекст нужно было приблизить, не говоря уже о смысле. Смысловых трудностей здесь не меньше, чем в «Горе от ума». Вы, например, знаете, что строчку «В окно смотрел, да мух давил» нельзя понимать буквально? Это значит – пил от скуки...

И.К.: – Работа над «Онегиным» продвигалась трудно?

М.Х.: – Долго примерялась к нему, оценивала свои силы. Пыталась перевести то один кусок, то другой, чтобы решить: достойно ли это Пушкина? Стоит ли мне за это браться, потяну ли я? Работала над поэмой таким же методом, каким роют тоннель под Альпами, – с двух концов, чтобы потом соединить их. Начала с последних строчек: если не одолею их, какой смысл браться за все остальное? Когда два участка тоннеля соединились, я позвонила Алисии Ябор – единственной поэтессе, с которой я знакома в Англии. В свое время она поощряла меня к работе над «Онегиным», а я советовалась с ней, зачитывала готовые отрывки. К моменту окончания перевода Алисия была уже очень плоха, у нее обнаружили запущенный рак, но на следующий день после моего звонка

она прислала мне роскошные желтые розы в окружении белых гипсофил. Этот букет меня потряс! Казалось невероятным, что, умирая, она может думать о чем-то другом, кроме смерти, радоваться тому, что я перевела «Онегина»! Его публикация стала для меня огромным событием. Правда, когда сдавали рукопись в типографию, выяснилось, что нужно срочно перевести комментарии Пушкина к поэме – 74 строчки текста, в том числе и поэтического – большой отрывок из стихов Гнедича, куски из Вяземского, Муравьева. А времени на это – всего полтора дня. Работала как сумасшедшая, давление было за двести, но уложились в срок, рано утром отправила перевод издателю.

Интересно, что до знакомства с поэзией Пушкина к стихам относилась прохладно, сама их не писала. Все изменилось после гибели сына. Через год после его смерти ехала в поезде, и вдруг в голове родились строчки. Поэзия помогла преодолеть боль утраты. Это единственный способ выплеснуть все, что у тебя внутри. Мэтью работал курьером, развозил заказы на мотоцикле. На нем и попал в аварию. Он был замечательный! Поразительное лицо, приветливая и открытая душа, безотказный – помогал любому, кто оказался в беде. У него, как и у меня, была склонность к черному юмору. Вместе мы порой были ужасны!

И.К.: – В Англии принято получать второе образование в зрелом возрасте?

М.Х.: – Конечно! Моя дочь Сара в 43 года поступила в университет на отделение интерьера и дизайна. У нас есть программа помощи пенсионерам для продолжения образования, но такие великовозрастные студентки, какой была я (в 62 года поступила на 2-й курс отделения славистики Лондонского университета), – все же исключение. Никогда не забуду первый день в университете. Сразу же поняла, что совершила огромную ошибку, что не смогу выдержать этот бешеный темп, усвоить столько знаний. Весь семестр только училась и спала. Клевала носом в транспорте и в гостях, но постепенно втянулась и почувствовала, что память намного улучшилась. А потом у меня появилась цель – начался мой роман с Грибоедовым.

Прекрасно помню этот день – у нас была лекция в пятницу. Профессор сказал, что «Горе от ума» – великолепная пьеса, но ее невозможно перевести. Слов мало, и в них бездна смысла. Многие строчки вошли в поговорку. Русским понятно, а как донести суть до англичан? Как передать по-английски вот этот намек на Толстого-американца – «вернулся алетом»? Или финал: «Карету мне, карету!» В английском на слово «карета» есть только 2 рифмы, и обе не в тему. После занятий пошла в библиотеку, взяла пьесу, читала и думала: ну может, как-нибудь все же удастся перевести? Работала над ней урывками, а закончила только после защиты диплома и решила поступать в аспирантуру. За экзамены нужно было

платить, и я целое лето подрабатывала тем, что брала интервью для разных изданий.

И.К.: – За перевод «Горя от ума» вас наградили Золотой медалью имени А. С. Пушкина и премией «Подвижник» фонда «Новое тысячелетие», а Ассоциация переводчиков и специальная комиссия Оксфордского университета признали вашу версию грибоедовской комедии лучшим англоязычным переводом этой пьесы. В чем заключалась его главная сложность?

М.Х.: – В самом названии. У русского слова «ум» десятки оттенков смысла, и встречается оно в комедии сотни раз, потому что несет стержневую функцию. Это и разум, и интеллект, и сообразительность, и остроумие, и многое другое. В английском столь же емкого эквивалента нет. Приходится заменять ключевое слово десятком других в зависимости от контекста, и стержень комедии распадается! Сначала я перевела название так: *Too Clever for Comfort, or the Misfortunes of a Thinking Man* – «Слишком умный, чтобы жить спокойно, или терзания мыслящего человека». Вышло точно, но длинно, поэтому во второй редакции пришлось вернуться к выражению *Woe from Wit* – под ним комедия уже переводилась раньше, английский читатель успел к нему привыкнуть, но его нельзя считать адекватным. Согласитесь, что «Горе от остроумия» – совсем не то же самое, что «Горе от ума»! Значение «остроумие» за словом *wit* закрепилось в сознании английских читателей в связи с творчеством Шеридана, Конгрива и Уайльда, которые вывели на сцену целую плеяду героев-остроумцев. В рамках этой литературной традиции под «людьми ума», «остроумцами» стали подразумевать тех, кто стремится выделиться и отличиться, кому претит практическая деятельность, кто одержим тщеславием, нетерпим к порицанию, жаден до славы. Это франты и весельчаки, соревнующиеся в проделках, в игре утонченного интеллекта, в изобретении новомодных словечек, чтобы издеваться над тупицами. Отождествлять Чацкого с лондонским денди или уайльдовским остроумцем было бы неправильно, но именно такая ассоциация рождается у англичан, что, несомненно, обедняет характер главного героя.

И.К.: – Как вы оцениваете другие переводы комедии?

М.Х.: – Никак. Никогда не читаю чужие переводы. Не люблю, когда между мной и текстом стоит кто-то третий. Это очень мешает. Дойдя до середины «Горя от ума», узнала, что Энтони Бёрджесс сделал новый вариант пьесы по подстрочнику, и ее поставили в театре Алмейда. Играли молодые актеры, Бёрджесс выдумал для них особый язык. Мне говорили, что получилось очень забавно, публике нравилось, но насколько все это соответствовало замыслу Грибоедова – судить не берусь. Я посылала свой перевод «Горя от ума» в Лондонский национальный театр, получила ответ: «Это здорово,

но не для нас». Зато такая постановка намечалась на радио. Какое-то время назад на CD вышла аудиокнига с «Онегиным» в моем переводе. Начитывает ее пожилой актер – ему около семидесяти. Мне подумалось, что он староват для этого, но, когда послушала его голос, поняла, что ошибалась. Звучит потрясающе!

И.К.: – Вы автор нескольких романов. Правда ли, что заняться прозой вам посоветовал врач?

М.Х.: – Это была своего рода психотерапия. Всем советую – если вам тяжело, посмотрите на ситуацию со стороны, перенеся ее на бумагу. Я писала в год по роману. Первый – “This place is a madhouse” («Это место – сумасшедший дом») вышел в Лондоне в 1976 году, а за ним еще два – “Oh, Lily” («О, Лили») и “Poor Tom” («Бедный Том»). Они были хорошо приняты критикой и читателями, а вот четвертой книге не повезло – она осталась неопубликованной, потому что ее действие происходит в доме престарелых. Издатель побоялся, что люди не захотят читать про стариков, хотя этот роман, как и другие, был написан с изрядной долей черного юмора. Поводом для депрессии в моем случае послужила болезнь мужа. Он был красивый и талантливый человек, театральный художник. А я с золотой медалью окончила Академию музыки в Лондоне, играла на скрипке и фортепиано. Мы были счастливы, строили планы, но в 25 лет у Нила возник абсцесс мозга. Он остался инвалидом – правая рука парализована, не мог ходить, почти не говорил. Ухаживала за ним, как за ребенком.

И.К.: – Дети родились потом?

М.Х.: – Да, четверо. Я решила: несмотря ни на что у нас будет полноценная семья. Сын Мэтью и дочери – близнецы Сара и Эмма, а также младшая – Люси очень поддержали меня в жизни, но было трудно. Болезнь наложила отпечаток на характер мужа. Мы прожили вместе 28 непростых лет, а потом я поняла: если буду рядом и дальше, просто умру. Я бы никогда не решилась на развод, если бы не сын. Мэтью остался с отцом, чтобы я могла прийти в себя. Вот тогда-то и начала писать романы. Ситуации брала прямо из жизни. Однажды воскликнула в сердцах: «Это просто сумасшедший дом какой-то!» – и эти слова стали названием моего романа “This place is a madhouse”.

И.К.: – Вы жаворонок...

М.Х.: – Я точно не сова! Муж был совой. Я помогала ему делать макеты для театра. Так он до 10 вечера даже не брался за работу, а у меня после девяти уже глаза слипались. У меня свой способ борьбы с бессонницей – включаю радио на всю ночь. Неважно, на каком языке они там говорят – на русском, английском или японском. Для меня звук человеческого голоса утешителен сам по себе. Когда у тебя под ухом кто-то бубнит себе потихонечку, это лучше любого снотворного. Действует умиротворяюще, гонит мысли из головы. Одно плохо – иногда ставят

музыку, а это разрушает весь эффект. Тогда радио нужно очень быстро выключить, чтобы потом не мучиться бессонницей.

М.Л.: – Я тоже этот способ испробовала. Сначала вслушиваешься в смысл слов, а потом они начинают звучать как фон. До этого я боролась с бессонницей с помощью Гегеля. Читаешь его «Феноменологию духа», не понимаешь ничего и засыпаешь. Как-то на даче у меня Гегеля под рукой не оказалось, и я взяла Канта. Но у него все так ясно изложено, так увлекает, что я не могла заснуть до утра. Так вот Кант – это как музыка...

Вместо послесловия

В конце июля – начале августа 2011 года Мэри Хобсон гостила у нас с мужем, поэтом и переводчиком Иваном Белокрыловым, на даче в Тульской области. Забирали мы ее из Зарайска с дачи Марины Дмитриевны. Загостились, заговорились, выехали под вечер, да еще и заблудились в пути и в конце концов оказались на ухабистом проселке посреди Берендеева царства. Картина маслом: не только на деревьях, но и по обочинам дороги сидят непуганые совы с огромными глазами, в свете фар впереди по курсу скачут зайцы, бегают лисицы. Колеса падают то в кочки, то в выбоины, ехать можно не быстрее 5 км в час, фонарей нет – тьма египетская! 87-летняя Мэри подрёмывала на заднем сиденье, но в какой-то момент ее так расстроило, что пришлось проснуться. Огляделась она и говорит Ивану: «Я бы в таких условиях машину вести не смогла!» А когда подъехали к деревянным воротам, за которым темнели туи и можжевельники, белели березы под окнами бревенчатого терема с флюгером в виде Пегаса на крыше, гостья пришла в неописуемый восторг. Разместили мы ее в просторной гостевой комнате с письменным столом и видом на сосны. Здесь она закончила переводить «Золотого петушка» Пушкина и впервые в жизни увидела петуха настоящего, живого – на участке у моей тети.

А как лихо, по-спортивному заныривала выросшая на море Мэри в своей резиновой шапочке и черном купальнике в наш дачный пруд с утками и бобрами! Как запросто преодолевала течение Оки в зоне отдыха музея-усадьбы «Поленово»! Какие крученые удары ракеткой подавала во время игры в настольный теннис! Отбить их было нереально. Этой технике ее научили солдаты на военной базе, где Мэри работала культургом после окончания консерватории. Очень понравилось ей в музее-усадьбе «Дворяниново» выдающегося русского ученого и литератора Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833). Повеяло XIX веком, в котором Мэри чувствовала себя как дома. Сохранилась ее фотография в любимой беседке хозяина усадьбы, кажется, она называется «Храм уединения».

На завтрак я варила ей овсянку, сэр! Мэри ела ее с удовольствием, считая, что это такой русский обычай – овсяная каша на завтрак. Очень удивилась, когда услышала, что у нас этот завтрак считается классическим английским, потому что в Великобритании такой традиции нет. Обедали и ужинали мы на веранде у моих родителей – наши дома стоят в тридцати метрах друг от друга. За столом вспоминали случаи из жизни, обсуждали новости, шутили. Однажды моя мама – уже не помню по какому поводу – спросила у Мэри: «А что бы вы посоветовали своей дочери в такой ситуации?» Мэри ответила, что никогда не позволяла себе давать советы детям и нарушила это правило только раз в жизни. Муж одной из ее дочерей после долгих лет брака решил сменить пол, поставив семью перед фактом. Дети от первого брака дочери, которые привыкли считать ее второго мужа папой, получили огромную психологическую травму, когда он стал превращаться – в кого? Во вторую маму? В чужую тетю?

Дочь Мэри после тяжелых раздумий решила поддерживать мужа во всем – ему предстояла серия непростых операций, гормонотерапия. Она сказала: «Мужчина или женщина, неважно, ведь это тот же самый человек, которого я любила». На что Мэри ответила: «Но он же должен был предупредить тебя, когда вы решили пожениться, что собирается менять пол! Раз он этого не сделал, ты не обязана идти с ним до конца». Совет Мэри ни на что не повлиял, зять превратился в невестку, внук из-за связанных с этим психологических проблем остался на второй год в школе, внучка замкнулась в себе...

Говорили мы и о смерти. Мэри не хотела ни рыданий родных, ни похоронных маршей, она любила классическую музыку и была не против уйти под звуки Чайковского. Неделя на даче пролетела незаметно. Мэри ждали на конференции в Ясной Поляне, но уезжать от нас ей не хотелось. Так получилось, что этот приезд в Россию оказался для нее последним. По возвращении в Лондон случился микроинсульт, после которого врачи запретили Мэри пользоваться компьютером и летать самолетом. Один из симптомов нарушения мозгового кровообращения был такой: временно отключилась английская речь. Какое-то время Мэри говорила только на русском и впоследствии считала, что она ее спас.

У Марины Дмитриевны Литвиновой был свой стимул жить как можно дольше. За пять лет до того, как Марины Дмитриевны не стало, у нее оторвался тромб, но она испугалась не умереть, а не закончить труд о проблеме авторства произведений Шекспира. Спасшего ее врача благодарил не за жизнь, а за возможность завершить дело жизни. Она была убеждена, что Шекспир очернен потомками и нуждается в оправдании. «Каждый пишет, как он дышит», – сказал Булат Окуджава. Это ведь и

правда так. Маяковский никогда бы не написал «Белеет парус одинокий», а у Лермонтова никогда не родилась бы строчка «Я себя под Лениным чищу», потому что не знал он никакого Ленина. Как же тогда ростовщик из Стратфорда-на-Эйвоне по имени Шакспер (не Шекспир – фамилия звучит и пишется по-другому!), едва умевший читать и не выезжавший дальше Лондона, умудрялся живописать в деталях жизнь британского королевского двора, вражду семей итальянских аристократов из Вероны и мрачные тайны, погубившие датского принца? Как мог он одной рукой бросать вдов и сирот в долговую яму, а другой на страницах своих пьес клеймить таких же, как он, кровопийц-шейлоков, наживающихся на чужом горе? Неувязочка получается!

В завещании Шакспера-ростовщика подробно перечисляется, кому отдать кровать, а кому – подсвечник, но ни словом не упоминаются книги и рукописи. А на установленном вскоре после смерти надгробии его изобразили не с пером в руке, а с мешком шерсти под пятой точкой, символизирующем богатство. Это потом уже жители Стратфорда спохватились, что негоже великому поэту восседать на мешке, и заказали более «литературный» памятник.

Трезво мыслящие люди вроде Отто фон Бисмарка, Чарли Чаплина, Марка Твена, Вальтера Скотта, Владимира Набокова в историю об авторстве полуграмотного ростовщика никогда не верили. Литвинова тоже к ним присоединилась и положила более 60 лет жизни на поиски настоящего Шекспира. И нашла-таки, да не одного, а двоих сразу, скрывавшихся под псевдонимом: философа Фрэнсиса Бэкона и его ученика Роджера Мэннерса – пятого графа Ратленда. Первый был генератором идей, но не имел того легкого пера и поэтического дарования, которым обладал второй. Потому-то они и творили вместе.

Соавторство началось еще в период ученичества Ратленда: Бэкон приносил ему какой-нибудь свой текст и давал задание литературно обработать его. Потому-то многие шекспировские хроники и пьесы существуют в двух абсолютно разных редакциях. А сонеты лишь в одной: ведь Ратленд писал их сам, без чужих подсказок! Теперь ясно, зачем надо оправдывать Шекспира? Имя, под которым скрывались два благороднейших человека своей эпохи, потомки приписали какому-то пронырливому ростовщику. Психологическое несоответствие биографии Шекспира и содержания его произведений Марина Дмитриевна заметила, когда ей поручили перевести одну из пьес Шекспира. С этого и начался ее триумфальный путь в шекспироведение. Исследовательский труд не прерывался ни на один день. Даже летом на даче в Зарайске эта работа была для нее лучшим отдыхом. Марина Дмитриевна исследовала документы шекспировской эпохи, Мэри переводила Пушкина, прерывались только, чтобы

поесть. У Марины Дмитриевны на скатерти всегда стояло блюдо с вареньем для ос. Она считала их очень умными созданиями, осы столовались наравне с хозяйкой и ее гостями и никогда никого не кусали.

Кошек тоже было много, Марина Дмитриевна кормила их всех, бездомных, тощих, оголодавших, а осенью забирала в Москву. Если какая-то пропадала, очень переживала. Мечтала основать общество добрых людей и, как мне кажется, отлично преуспела в этом. Хорошие люди притягивались к ней, окружали ее. В отличие от Мэри Марина Дмитриевна была верующим человеком, убежденным в том, что смерть – не конец пути, а начало жизни вечной. Закрываю глаза и вижу их, вновь сошедшихся

за круглым столом в Зарайске. За окнами деревянного дома шумит яблоневый сад, по старенькой крыше с грохотом скатывается крупная антоновка, в распахнутые окна светит солнце, у ног трутся разомлевшие от зноя кошки, деловитые осы угощаются повидлом с блюда, смешно помогая себе лапками. Ничего не изменилось, кроме ощущения легкости и свободы, которую больше не сковывает ветхое тело. Пожалуй, это было единственное, на что сетовала многотерпеливая Марина Дмитриевна: нестареющему уму трудно сидеть в клетке скованной болезнями плоти. Теперь этой клетки больше нет, дух, где хочет, там и веет, а оправдывать Шекспира предстоит ее ученикам.

Сведения об авторе

КОВАЛЕВА Ирина Владимировна, kovalyova_iv@mail.ru

поэт, переводчик, руководитель секции художественного перевода и член правления Московского регионального отделения Союза переводчиков России, Президент Международных фестивалей искусств «Генуэзский маяк» и «Степная лира» (Москва, Россия)

Для цитирования: Ковалева И.В. Тоннель под Альпами: беседы с наставницами / И.В. Ковалева // DIDACTICA TRANSLATORICA. 2023. №2. С. 41–47.